

свиданіе?»—думалъ Илья Петровичъ, и снова неясное ощущеніе страха обвиняло его. Но онъ какъ бы отклонялся отъ этого ощущенія, какъ бы убѣгалъ отъ него... Онъ вспоминалъ первое свое знакомство съ Варей; ея удивленное личико при его внезапномъ появленіи; ея шаловливую улыбку послѣ, во время представленія... Онъ представлялъ себѣ подробности ихъ сближенія, разговоръ въ шарабанѣ, сцены на полянѣ и на озерѣ... И хорошо ему дѣлалось. И не хотѣлось ему думать о вчерашнемъ вечерѣ, объ этой загадочной припискѣ къ его письму, о свиданіи... «Точно въ романѣ!»—мысленно произносилъ онъ и улыбался съ дѣланной насмѣшливостью; а чувство страха опять надвигалось на него смутной и неопредѣленной тѣнью.

Вдругъ послышался легкій шорохъ... Тутолминъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ него стояла Варя. Она неподвижно смотрѣла на него и была печальна. Бѣлый платокъ обрамлялъ ея блѣдное личико; подъ глазами темнѣлись круги. Илья Петровичъ бросился къ ней.

— Здравствуйте, Илья Петровичъ,—тихо вымолвила она и опустила глаза.

Тутолминъ въ тревожномъ изумленіи посмотрѣлъ на нее.

— Что съ тобой, моя дорогая!—воскликнулъ онъ, взявъ ее за руку. Она было попыталась освободить эту руку, но послѣ легкаго усилія оставила ее въ рукѣ Тутолмина:—что съ тобой,—продолжалъ онъ,—или ты разсердилась на глупую мою выходку?.. Но, милая моя...

— Я васъ попрошу говорить мнѣ вы, Илья Петровичъ,—едва слышно произнесла Варя. Илья Петровичъ безсильно выпустилъ ея холодную руку.—«Что это такое?»—прошепталъ онъ въ ужасѣ. Тогда она взглянула ему прямо въ лицо и заговорила съ какой-то нервической поспѣшностью:—Я вамъ пришла сказать... Я пришла... Я долго думала, Илья Петровичъ... Но я васъ не люблю... Я васъ очень, очень уважаю, но я не могу васъ любить...

Тутолминъ съ горькимъ стономъ отошелъ отъ нея.

— За что же это?—съ изумленіемъ проговорилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, разсѣянно приложилъ ко лбу руку. — За что?...—повторилъ онъ тихо.

Варя хотѣла говорить и не могла: рыданія душили ее. Она больно прикусила губы и отвернулась. Но она не могла бы сдвинуться съ мѣста: ноги ея, казалось, окаменѣли.

— Но зачѣмъ же вы признавались мнѣ въ вашей любви?—спросилъ Тутолминъ.